

Обновленческий раскол и борьба за храмы в приходах Вологодской епархии в 1920-е гг.

Развитие обновленческого движения в Русской Православной Церкви в 1920 – 1930-е гг. является одной из важнейших тем в истории Церкви и государственно-церковных отношений в советское время. Обновленчеству посвящали специальные работы или рассматривали его наряду с другими вопросами как в эмигрантской¹ и зарубежной², так и в советской³ и современной российской⁴ историографии. Для современной российской историографии характерно появление ряда региональных исследований государственно-церковных отношений 1920 –

1930-х гг., в которых также рассматриваются проблемы, связанные с развитием обновленческого движения в конкретных епархиях⁵. Несмотря на солидную историографию, определенные вопросы в истории обновленческой Русской Православной Церкви и ее взаимоотношений с советским государством хуже освещены в исторической литературе. К числу недостаточно изученных проблем относится борьба обновленцев и староцерковников за право обладания приходскими храмами. Настоящая статья призвана рассмотреть данный вопрос применительно к Вологодской епархии в 1920-е гг.

В соответствии с «Декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви» основными системообразующими единицами любой церковной организации являлись религиозные общества. Именно им местные власти передавали в пользование по договорам здания и предметы культа. Они же посылали своих делегатов на благочиннические, викариальные, епархиальные собрания и церковные соборы, на которых решались важнейшие вопросы церковной жизни определенной территории. Помимо названных общих причин, для обновленческой церкви распространение влияния на как можно большее число приходов представляло интерес как средство борьбы с патриаршей церковью и как наглядный способ доказать истинность, православность своих идей. В свою очередь, для патриаршей церкви сохранение в своей юрисдикции большинства приходских общин было проявлением приверженности верующих традиционному православию. Все вышеуказанное делало борьбу реформаторов и староцерковников за приходы одним из основных факторов церковной жизни Вологодской епархии в 1922 – 1929 гг.

Православный приход традиционно строился вокруг храма. Советское законодательство 1920-х гг. также ставило храм в центр религиозной жизни. Соответственно, расколы в религиозных общинах внешне выражались в борьбе за обладание приходскими храмами. А так как молитвенные здания и церковное имущество являлись государственной собственностью, в конфликты естественным образом вовлекались советские административные органы. Рассмотрим эволюцию правовых основ и правоприменительной практики государственных органов в

Вологодской губернии в отношении расколов в приходских общинах и конфликтов вокруг храмов в 1922 – 1929 гг.

В 1922 – 1923 гг. действия государственных органов в борьбе за храмы определялись двумя обстоятельствами. Во-первых, до осени 1923 г. советская власть проводила политику активной поддержки обновленцев и усиления церковного раскола. Во-вторых, на данном этапе отсутствовали специальные нормативные акты, определявшие судьбу храмов в случае расколов в религиозных общинах. Существовавшее законодательство лишь запрещало органам власти давать преимущества какому-либо религиозному течению. На практике же такие преимущества оказывались обновленцам как политически более благонадежным. Распространенной в те годы была ситуация, когда священник и/или члены приходского совета староцерковной общины обвинялись в антисоветских действиях либо прихожанам ставили в вину неуплату всех расходов по содержанию храма. В результате договор на пользование зданием культа с патриаршей общиной расторгался отделом управления Вологодского губисполкома и храм либо закрывался, либо передавался политически лояльным обновленцам. Так, после обвинения в политической неблагонадежности членов общины патриаршего толка при кафедральном соборе г. Вологды договор с ней был расторгнут, а собор передан общине, стоявшей на платформе «прогрессивного духовенства»⁶.

В 1924 г. деятельность государственных органов в связи с борьбой за храмы вступила в новый этап, продолжавшийся до 1929 г. Первым обстоятельством, повлиявшим на это, была корректировка государственной политики в отношении Русской Православной Церкви. С осени 1923 г. до осени 1925 г. власти предприняли несколько попыток примирить обновленцев и традиционалистов, желая создать единую, послушную правительству Русскую Православную Церковь. Эти действия сопровождались смягчением (до 1929 г.) нажима на патриаршую церковь, хотя и от общего курса поддержки новоправославного течения советское государство не отказалось. Вторым обстоятельством, сказавшимся на практике административных органов Вологодской губернии, было появление специальных нормативных указаний по вопросам принадлежности приходских

храмов в случае расколов в религиозных общинах. В январе – марте 1924 г. V отдел НКЮ по поручению ВЦИК принял ряд разъясняющих принципиальных решений по поступившим во ВЦИК жалобам из разных районов РСФСР. В жалобах указывалось, что местные органы власти расторгали по разным поводам договоры со староцерковными группами верующих и передавали обновленцам все храмы прихода либо все помещения (этажи) единственного храма. Соответственно, большинство прихожан, принадлежавших к патриаршей церкви, не могло удовлетворять свои религиозные потребности. В связи с этим V отдел НКЮ предложил губисполкомам «урегулировать возникшие между группами споры из-за обладания храмами по местам мирным путем, распределив в каждом приходе наличные храмы между группами старого и нового толков, по возможности сообразуясь с количеством населения и предоставив каждому толку в каждом приходе, во всяком случае, по одному храму с обязательством жить мирно и не нарушать общественного порядка»⁷. Аналогичным образом предлагалось разделять и храмы, имевшие два помещения или этажа с соответствующим распределением налогов по площади⁸. Таким образом, в январе – марте 1924 г. в решениях V отдела НКЮ были даны юридические основания для разрешения конфликтов по поводу обладания приходскими храмами путем их раздела между обновленческими и тихоновскими религиозными общинами. Вместе с тем подзаконный характер данных решений допускал вариативность в действиях местных властей, что отразилось и в правоприменительной практике государственных органов в Вологодской губернии в 1924 – 1929 гг.

В случае раскола в приходской общине перед местными органами власти стояли два вопроса. Во-первых, проводить ли раздел храмов между возникшими обновленческой и тихоновской общинами или передать все церкви одной из них? И, во-вторых, соблюдать ли при разделе храмов соответствие между размерами распределяемых зданий и численностью общин? Относительно второго вопроса следует отметить, что в январско-мартовских 1924 г. решениях V отдела НКЮ раздел храмов сообразно численности прихожан двух течений был назван не обязательным, а лишь желательным («по возможности сообра-

зуюсь»), что оставляло свободу действий для местных чиновников. Кроме того, существовало различие в подходах к вопросу о храмах на различных уровнях советской администрации. Если Президиум и административный отдел (ГАО) Вологодского губисполкома, а также уездные исполкомы стремились юридически обосновать все свои решения и в целом проводить гибкую политику, то волисполкомы часто руководствовались, как и в 1922 – 1923 гг., представлениями о целесообразности поддержки обновленцев как лояльных советской власти.

Так, в августе 1927 г. в Николаевско-Зыковской религиозной группе Грязовецкой волости Вологодского уезда, принадлежавшей к патриаршей церкви, стало выделяться обновленческое течение. В октябре 1927 г. Грязовецкий волисполком устроил проверку церковного имущества, которая выявила его недостачу. Недостача церковного имущества влекла за собой расторжение договора на пользование храмом, а потому оба течения поспешили организовать отдельные религиозные общины и заявить претензии на Николаевско-Зыковскую церковь. Несмотря на то, что староцерковная община была вновь организованной, волисполком решил, что, так как недостача произошла также в общине старого толка, церковь следует передать обновленцам. Данное постановление было утверждено Вологодским уездным исполкомом, но адмотдел губисполкома с ним не согласился. 10 декабря 1927 г. ГАО решил, что две новые общины имеют равные права на здание культа, а так как Николаевско-Зыковская церковь состоит из зимнего и летнего храмов с отдельными входами, то возможен ее раздел между обновленцами и тихоновцами⁹. Таким образом, губернские чиновники отказались поддержать прообновленческую позицию волостного и уездного исполкомов. При этом формулировка решения губадмотдела почти полностью повторяла образцовое решение V отдела НКЮ от 29 марта 1924 г. № 7792 по вопросу о Параскевском храме в поселке Дризна Орехово-Зуевского уезда Московской губернии, в том числе и в той его части, где говорилось о передаче храмовых помещений в соответствии с количеством верующих того или иного толка¹⁰. Грязовецкий волисполком действительно произвел раздел Николаевско-Зыковской церкви, но больший зимний храм передал обновленческому

меньшинству (около 50 человек), а меньший летний храм тихоновскому большинству (856 человек), что вызвало жалобу последнего в адмотдел Вологодского уездного исполкома. Реагируя на жалобу, уездный адмотдел 23 февраля 1928 г. направил в Грязовецкий волисполком отношение, в котором напоминал, повторяя решения V отдела НКЮ и Вологодского губадмотдела, о необходимости распределять храмы в приходе в соответствии с численностью каждого религиозного течения. В то же время уездные власти предложили волисполкому в данном случае не вмешиваться, предоставив возможность обновленцам и староцерковникам самим уладить спор¹¹.

Другой пример несоответствия действий волостных властей решениям вышестоящих органов имел место в связи с весьма показательным делом о разделе храмов при расколе во Фроло-Лаврской Козлангской религиозной общине Шуйской волости Вологодского уезда. 16 апреля 1925 г. Вологодский ГАО на основании распоряжения Президиума губисполкома распределил 4 приходских храма по 2 между образовавшимися обновленческой и староцерковной религиозными общинами¹². Фактическую передачу храмов верующим и составление описей церковного имущества проводили представители Шуйского волисполкома. Но менее чем через год ГАО стало известно, что Шуйский волисполком поддерживает мнение синодальной Фроло-Лаврской Козлангской общины о незаконном пользовании тихоновцами одним из переданных им храмов. В связи с этим адмотдел 13 марта 1926 г. направил в волисполком отношение, в котором кратко повторял свои предыдущие постановления и выражал удивление поразительной неосведомленностью шуйских чиновников о решениях, которые они сами же исполняли. Завершалось отношение словами: «...и в дальнейшем просьба не притеснять общины необновленческого течения»¹³. Таким образом, приведенные примеры показывают, что волостные, а в ряде случаев и уездные власти не всегда реагировали на корректировку курса государственной церковной политики, продолжая руководствоваться в своих действиях не законами и распоряжениями вышестоящих инстанций, а представлениями о политической целесообразности. Такая ситуация вызывала критику губернских органов, которые не смогли оха-

178

рактизовать некоторые действия нижестоящих чиновников иначе, как притеснение необновленческого течения.

Документы по регистрации религиозных обществ за 1924 – 1929 гг. позволяют выделить два распространенных варианта действий губернских и уездных органов управления в вопросе о принадлежности приходских храмов. Государственные органы либо распределяли храмы между обновленцами и тихоновцами, либо передавали все храмы прихода обновленческой общине. Значительно реже фиксируется третий вариант – передача храмов только верующим старого толка. В частности, такой случай имел место в приходе Благовещенской церкви г. Вологды в марте 1926 г.¹⁴ Теперь на конкретных примерах более подробно рассмотрим два первых варианта действий губернской и уездной власти.

Ситуация с передачей всех приходских храмов обновленцам имела место в Чаловско-Никольской религиозной общине Тотемского уезда (июнь 1924 г.), Козьмо-Демьяновской (август 1927 г.) и Иоанно-Богословской Тошне-Емской (апрель – май 1928 г.) религиозных общинах Вологодского уезда¹⁵. В первых двух случаях Вологодский губернский, а по последнему делу Вологодский уездный адмотделы дали одинаковые обоснования своим действиям: храмы переданы обновленцам как ранее заключившим договор на здание культа. А так как отсутствовали какие-либо основания для расторжения договоров с общинами нового толка, то и оснований для изъятия у них части церковных зданий и имущества в пользу староцерковников власти не усматривали. Единственное, на что готовы были пойти государственные органы, так это на признание добровольных соглашений между тихоновцами и обновленцами о разделе храмов. Но на практике острота внутрприходских конфликтов не позволяла достигать подобных соглашений.

Вариант с разделом богослужебных зданий и имущества между обновленцами и староцерковниками имел место в Тавренгской (июнь 1927 г.) и Верховажской (июль – ноябрь 1927 г.) религиозных общинах Вельского уезда и Николаевско-Зыковской религиозной группе Вологодского уезда (декабрь 1927 – февраль 1928 гг.)¹⁶. Ситуация с Николаевско-Зыковской церковью рассматривалась выше. Что же касается двух других

приходов, то в них Вологодский ГАО распределил храмы так, что вместительные соборы достались обновленческому меньшинству, а тихоновское большинство прихожан получило меньшие церкви. Обосновывая непропорциональное распределение, ГАО и в данном случае ссылался на наличие договоров на здания культа с обновленцами. Соответственно, передача даже меньшего храма староцерковникам преподносилась властями как исключительный шаг, вызванный отсутствием поблизости других удобных церквей, где верующие патриаршей церкви могли бы удовлетворять свои религиозные потребности.

При обоих рассмотренных вариантах основным способом борьбы тихоновцев за изменение ситуации была подача жалоб в государственные органы. Большинство жалоб имели схожие обоснования: большая часть прихожан принадлежит к патриаршей церкви, а следовательно, отсутствие храма либо предоставление меньшего храма не позволяет удовлетворять религиозные нужды верующих. Именно таковы ходатайства староцерковников из приходов Верховажского Успенского собора, Чаловско-Никольской церкви, Николаевско-Зыковской и Иоанно-Богословской Тошне-Емской церквей¹⁷. Однако встречались и заявления с более разработанной аргументацией. Так, во время серьезного конфликта вокруг храмов Фроло-Лаврского Козлангского прихода Вологодского уезда в январе – мае 1925 г. патриаршая община направила в губисполком несколько заявлений. В них, кроме традиционного указания на свою большую, чем у обновленцев, численность, также имелась ссылка на Конституцию, запрещающую дискриминацию какого-либо религиозного течения, делался намек на то, что передача всех храмов обновленцам создаст представление о враждебности советской власти к необновленцам и подорвет ее авторитет в глазах населения, и даже содержалось предупреждение о возможности волнений среди лишенных храмов верующих¹⁸. Но несмотря на развернутую аргументацию, губернские власти не сразу пошли на удовлетворение данных ходатайств. Таким образом, приводимые тихоновцами в заявлениях доводы отражают процесс формирования в приходских конфликтах правового и политического сознания верующего сельского населения. Вместе с тем источники не дают оснований для установления связи между

степенью проработанности и убедительности аргументации ходатайств и принятием органами власти того или иного решения.

Возникает вопрос: если не ходатайства староцерковников, то что влияло на позицию государственных органов, которые, имея одинаковые основания (договор с обновленцами на здания и имущество культа), в одних случаях считали возможным провести раздел приходских храмов, а в других – нет? Принятие того или иного решения официально объяснялось отсутствием либо наличием поблизости храмов «однородного течения». Однако в действительности расстояние в 4 – 8 верст до ближайшего прихода старого толка органами власти оценивалось по-разному: то как незначительное, то как существенное. Соответственно, нельзя выделить четкую связь между расстоянием до соседнего прихода и действиями властей. Представляется, что вариативность действий была вызвана интересами поддержания общественного порядка. Дело в том, что, хотя вопрос о принадлежности храмов решался в ходе контактов с органами власти, борьба обновленцев и тихоновцев в приходах не ограничивалась лишь официально-юридическими методами. Например, во Фроло-Лаврском Козлангском приходе обновленческий протоиерей Аполлинарий Заплатин грубо обходился с тихоновцами, а патриарший священник Сергей Шейбухов распускал слухи о безблагодатности обновленцев и осквернении ими православных святынь¹⁹. Кроме того, во многих приходах конфликты сопровождались волнениями среди верующих обоих течений, порой выливавшихся в захват и удержание одной из сторон храма, переданного другому течению. Такая ситуация имела место в верховажской общине, где староцерковники, сочтя передачу Успенского собора обновленцам несправедливой, силой удерживали его, пока не вмешались власти²⁰. Подобные противозаконные методы борьбы напрямую не вели к разрешению споров и еще более обостряли ситуацию. В то же время обострение обстановки могло оказать влияние на принятие официального решения. Так, ГАО в докладах Президиуму Вологодского губисполкома от 24 марта и 7 апреля 1925 г. мотивировал необходимость выделения двух из четырех храмов Фроло-Лаврского Козлангского прихода общине старого толка тем,

что иное решение создаст угрозу общественному порядку в Шуйской волости Вологодского уезда²¹.

Таким образом, одним из важнейших проявлений противостояния вологодских обновленцев и староцерковников в 1922 – 1929 гг. была борьба за контроль над приходами епархии. Методы, которые использовались в этой борьбе, приводили к расколам в религиозных общинах, что, в свою очередь, выливалось в борьбу за приходские храмы. В данный период органы власти Вологодской губернии придерживались общего курса на поддержку обновленчества в противовес патриаршей церкви. Следовательно, и в конфликтах вокруг приходских храмов государственные органы, как правило, вставали на сторону обновленцев. Вместе с тем следует отметить вариативность действий гражданской власти, которая в случае необходимости могла поддержать и староцерковников, особенно если этого требовали интересы общественного порядка. Также существовали различия в подходах к храмовым конфликтам на разных уровнях советского аппарата управления. Но с 1929 г. в результате усиления репрессивных элементов в государственной церковной политике и распространения такой политики на лишившуюся поддержки властей обновленческую церковь вопрос о принадлежности приходских храмов утратил прежнюю актуальность. В деятельности государственных органов на первый план выходят действия по закрытию храмов, как патриарших, так и обновленческих, что вынуждает верующих обоих направлений думать не о приобретении новых, а о сохранении уже имеющихся храмов.

Примечания

¹ См.: *Левитин-Краснов А.* Лихие годы. 1925 – 1941. Воспоминания. - Париж, 1977; *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты: В 3 т. - Кюснахт, 1978; *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917 – 1945. - Париж, 1977.

² См.: *Мосс В.* Православная Церковь на перепутье (1917 – 1999). - СПб., 2001; *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX в. - М., 1995; *Он же.* Тоталитаризм и вероисповедание. - М., 2003.

³ См.: Булатов В.Н. К расколу в русской православной церкви (С кратким историческим обзором православия). - Вологда, 1922; Гордиенко Н.С. Современное русское православие. - Л., 1987; Корзун М.С. Русская православная церковь в 1917 – 1945 гг. - Минск, 1987; Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. - М., 1971; Шишкин А.А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. - Казань, 1970.

⁴ См.: Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. - М., 1991; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917 – 1927 гг. // Вопросы истории. - 1993. - № 8; Она же. Русская Православная Церковь в 1927 – 1943 гг. // Вопросы истории. - 1994. - № 4; Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1900 - 1927. - СПб., 2002; Одинцов М.И. Государство и Церковь (История взаимоотношений. 1917 – 1938 гг.). - М., 1991; Цылин В., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1917 – 1990. - М., 1994; Он же. История Русской Церкви. Кн. 9: 1917 – 1997 гг. - М., 1997; Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX в. - СПб., 1999.

⁵ См.: Спасенкова И.В. Православная традиция русского города в 1917 – 1930-е гг. (на материалах Вологды): Дис... канд. ист. наук. - Вологда, 1999; Хрусталева М.Ю. Русская Православная Церковь в центре и на периферии в 1918 – 1930-х гг. (на материалах Новгородской епархии): Дис... канд. ист. наук. - Архангельск, 2004.

⁶ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 53. Оп. 2. Д. 214. Л. 4, 31, 44.

⁷ См.: Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других ССР. – М., 1926. – С. 39 - 40.

⁸ Там же. – С. 43 – 44.

⁹ ГАВО. Ф. 412. Оп. 1. Д. 121. Л. 391 - 391 об.

¹⁰ См.: Гидулянов П.В. Указ. соч. – С. 43 - 44.

¹¹ ГАВО. Ф. Р-4893. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

¹² Там же. Ф. 53. Оп. 2. Д. 184. Л. 34.

¹³ Там же. Л. 44 - 44 об.

¹⁴ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 170. Л. 3 - 3 об.

¹⁵ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 25. Л. 114; Д. 121. Л. 355; Ф. Р-4893. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 17 - 18.

¹⁶ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 121. Л. 275, 276, 286, 350 - 353, 364 - 368, 387 - 388, 391 - 391 об.; Ф. Р-4893. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

¹⁷ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 25. Л. 114; Д. 121. Л. 352 - 353; Ф. Р-4893. Оп. 1. Д. 9. Л. 4, 18.

¹⁸ Там же. Ф. 53. Оп. 2. Д. 184. Л. 1 - 3, 19 - 22.

¹⁹ Там же. Л. 8 - 10, 31.

²⁰ Там же. Ф. 412. Оп. 1. Д. 121. Л. 387 - 388.

²¹ Там же. Ф. 53. Оп. 2. Д. 184. Л. 31 - 33.